

Владимир Бровко

*Подлинная история жизни и
смерти Емельяна Пугачева*

18+

Владимир Бровко

**Подлинная история жизни и
смерти Емельяна Пугачева**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бровко В. П.

Подлинная история жизни и смерти Емельяна Пугачева /
В. П. Бровко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Данная книга является новой версией биографии Емельяна Пугачева и
предназначена для широкого круга читателей интересующихся историей

© Бровко В. П., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Вступление	5
Часть 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Вступление

Двести сорок шесть лет тому назад в Российской империи, этой воистину «тюрьме народов» в среде многочисленных поработанных народов случилась третья (после Смутного времени и восстания С. Разина) гражданская война, получившая в российской историографии до 1917 г. название «Пугачевщина» – «Пугачевский бунт», а в Советской России где основной идеологией был «марксизм-ленинизм» оно было названо «**Крестьянской войной 1773—75 годов под предводительством. Е. И. Пугачева**». Зачинщиками и главной! ударной силой» этого массового востания выступил группа лиц из числа так называемых «Яицких казаков».

И поскольку не все из вас уважаемые читатели точно знают, кто такие «ЯИЦКИЕ КАЗАКИ и откуда они взялись, то я и подаю далее необходимую обзорную справку

Время заселения территорий нижнего течения реки Урала (Яика) ватагами вольных людей точно не установлено. Есть даже версии, что «яицкие казаки» это отстатки одной из орды татаро-монгольского хана Батыя. Но официальные историки называют различные временные рамки появления казаков на Урале: от XIV до XVI веков.

Впервые в официальных документах яицкие казаки упомянуты в 30-х годах XVI столетия. Считается, что их отряды в 1550 г. участвовали во взятии Казани, однако, документально подтвержденной первой службой яицких казаков является 1591 г., когда они по «наказу Федора Иоановича» участвовали вместе со стрелецкими полками в боевых действиях против шамхала Тарковского – правителя Дагестана. С этого года и считается старшинство Уральского (Яицкого) казачьего Войска.

Столь же различны мнения исследователей относительно того, откуда пошли яицкие казаки. Кто-то выводит их родословную от тюркских племен, другие говорят об отрядах казаков переселившихся на Яик с Волги или Дона.

Вопрос этот до сих пор остается открытым, но очевидно, что Яицкая казачья община была образована вольными людьми, которые, поселившись на Яике, разбили ряд городков вдоль реки, по правому ее берегу.

С самого начала своего существования яицкие казаки столкнулись со своими беспокойными соседями, сперва это были ногайцы, затем – киргиз-кайсаки.

Их орды, кочующие по левому берегу Яика, переправлялись через реку и нападали на казачьи городки и форпосты, угоняли скот, поджигали дома, уводили людей в рабство. Поэтому, яицкие казаки с начала своего существования все были воинами, с детства учились скакать на коне, держать оружие в руках и защищать родной дом и свое хозяйство. Боевые стычки с кочевниками продолжались вплоть до середины XIX века.

С началом службы казаков Московским государям функции охраны собственных территорий переросли в функции охраны всего Московского государства. За охрану границ цари платили казакам жалованье, присылали на Яик порох, оружие и т.п.

Вдоль Яика от Яицкого городка до Гурьева вниз по реке была построена Нижне-Яицкая линия, состоящая из ряда крепостиц и форпостов, возведенных в местах возможных переправ через Яик кочевников и выполнявших защитные функции. Вверх по реке от Яицкого городка до Илецкого была построена Верхне-Яицкая линия.

Впоследствии, когда необходимость оборонять свои земли отпала, эти крепостицы и форпосты превратились в казачьи станицы и поселки.

Но бесспорно является тот факт, что, яицкие казаки с самого начала поселения своего на Яике были, прежде всего, воинами.

Поэтому неудивительно, что они участвовали практически во всех войнах, которые вела Российская Империя. Бились они против крымских татар, поляков, шведов, турок, францу-

зов, немцев и многих других народов, храбро сражались под Смоленском, Полтавой, Цюрихом, Лейпцигом, Балаклавой, Иканом, Мукденом и т.д., брали Силистрию, Париж, Самарканд, Геок-Тепе, Перемышль и другие твердыни, неоднократно ходили войной на Хивинское и Кокандское ханства. Много казачьих костей разбросано от Кавказа до Туркестана, сотни казаков погибли в Первой Мировой, тысячи – в Гражданскую.

Парадокс, но, несмотря на то, что уральцы были верными слугами царю и престолу, не раз доказавшими свою верность на поле брани, Яицкое (Уральское) казачье Войско считалось самым «бунтарским».

Непокорность уральцев проявлялось при малейшем намерении властей ущемить их права и свободы. Не могли с этим примириться вольные люди. Волнения и беспорядки, переходившие иногда в открытое неповиновение, и в вооруженное противостояние царским войскам происходили на землях уральских казаков регулярно.

Все знают, что яицкие казаки являлись движущей силой восстания Е.И. Пугачева в 1773-1775г., а после его подавления хотели всем Войском, подобно донскому атаману Игнату Некрасову, уведшему после восстания К.А. Булавина часть донских казаков в Турцию, уйти за границу.

Основными занятиями яицких казаков в «мирное время» были рыболовство, добыча соли, охота.

Войско управлялось кругом, который собирался в Яицком городке (на среднем течении Яика).

Первоначально управление носило демократический характер, с равными правами всех казаков на пользование угодьями и участие в выборах атаманов и войсковой старшины. Со 2-й половины 16 века царское правительство привлекало яицких казаков для охраны границ и военной колонизации, предоставляя им вначале право приема беглых.

В 17 веке обособилась привилегированная богатая верхушка (старшина), угнетавшая простых казаков и являвшаяся опорой правительства, которое пыталось подчинить яицких казаков.

В 1718 году атаманом и его помощником правительство назначило богатых казаков Н. Бородина и М. Миронова.

Из 2770 казаков 770 были объявлены беглыми и возвращены помещикам.

В 1720 году казаки оказали сопротивление отряду сызранского коменданта Г. Воейкова произвести сыск беглых и заменили назначенного атамана выборным.

В 1723 году полковник И. Захаров с отрядом драгун подавил сопротивление недовольных, руководители их были казнены, **была произведена перепись оставленных на службе казаков (3195 чел.), права которых стали наследственными, атаманы и старшина превращены в назначаемых.**

А вот назидание потомкам, и чтобы навсегда искоренить на Яике память о пугачевском восстании, императрица Екатерина II повелела в 1775 г. переименовать реку Яик в Урал, Яицкий городок – в Уральский, а Яицкое казачье Войско – в Уральское. Так стали Яицкие казаки Уральскими.

Но все равно волнения яицких казаков происходили также в 1738 и 1748 годы.

В 1748 году введен штат войска, которое было разделено на 7 полков; войсковой круг окончательно утратил свое значение и его права перешли к войсковой канцелярии.

А теперь, когда вы уважаемый читатель уже хорошо знаете кто такие эти «яицкие казаки» и что они ну ни как не могут быть зачисленный российский народ в смысле «великоросов» и что их истинная национальная принадлежность не смотря на использования ими в быту русского языка и принадлежности к православию «московского толка», мы самостоятельно и в отличии от «кабинетных историков», применяя новые методы исследования доказа-

тельств! Попытаемся разобраться с этой уже давней «историей» появления в России очередного «народного царя»!

И тут я как автор хочу сразу скаб, что все «российские ученые» опубликовавшие свои труды о Пугачеве и его восстании увы, не были свободны в выражения своих истинных взглядов и мнений, отличных от влияния господствовавших при их жизни, государственных идеологий.

И поэтому и историческая фигура Е. Пугачёва в их работах то излишне «демонизировалась» как «ниспровергателя империи», то «превозносилась» как «идеал борца за освобождения крестьян от рабства»!

Хотя сам Е. Пугачев на одном из своих допросов прямо ответил на поставленный ему вопрос о его главных целях, во время событий 1773-1775 году:

«Дальнего намерения, чтобы завладеть всем Российским царством, не имел, ибо, рассуждая о себе, не думал к правлению быть, по неумению грамоте, способен.

А шол на то: естли удастся чем поживиться или убиту быть на войне – вить все я заслужил смерть, – так лутче умереть на войне» ....

В этой де работе я как автор буду опираться и анализировать прежде всего дошедшие до нас архивные документы и в первую очередь свидетельства самого Е. Пугачева в которых он сам, точно и самое главное: простым и ясным языком, рассказывает свою отнюдь не «героическую жизнь». Причем анализ будет выполнен с применением методов которые выработали криминалисты для расследования уголовных преступлений!

И такой под ход будет самым точны и объективным, ибо Емельян Пугачев, что по законам Российской империи времен Екатерины Второй, что по нынешним законам РФ являлся криминальным преступником! И я бы даже тут и уточнил: серийным маньяком убийцем и насильником, прикрывшим свои преступные садистские наклонности и побуждения спрятавшимся за фальшивой маской императора Петра Третьего и действиями, имитирующими борьбу за свободу и права простого народа!

Но в самой Российской империи занялись изучением жизни и деяния Е. Пугачева сравнительно поздно

И тут из 3 лучших работ следует назвать книгу Н. Дубровина **"Пугачев и его сообщники"** вышедшую в 1884г. в 3 томах. (Николай Федорович Дубровин (1837-1904) генерал-лейтенант, академик Петербургской Академии наук, редактор журнала «Русская старина» (с 1896 года)). Но эта книга редкость и мало кому в наше время доступна.

Но вот впервые, и как бы на официальном уровне в Российской империи историю народного восстания 1773-1775 годов власть предержавшие задумали правильно «изучить» только через 100 лет, от происходивших событий, же во время правления императора Николая Первого.

Но тут он, толи в силу своей малообразованности толи еще по каким-то сугубо личным соображениям, совершил большую ошибку. А именно: он в начале 1833 г. впервые, «высочайше» повелел «опальному» из соображения политической неблагонадежности как лицу приближенного к руководителям Восстания декабристов 1925 г., поэту из дворян А.С. Пушкину поработав в архивах! написать «историю Пугачевского бунта». При этом Николай Второй очевидно исходил из того факта, что А. Пушкин как выпускник элитного в Российской империи учебного заведения– Царскосельского лицея и как лицо обладающим литературным талантов мог выполнить эту работу.

И все же тут я вновь повторю свою мысль, что нам точно не известно, чем доподлинно руководствовался император Николай Первый в своем выборе, поручая это дело государственной важности не ученому-историку из Академии наук, а одному из тогдашних российских литераторов.

Есть версия, что все это связано с «процессом оболыщения» императором Николаем Первым жены А.С. Пушкина, и на это «время» А. Пушкина нужно было удалить из Санкт-Петербурга, но мы не будем тут затрагивать эту историю.

Тут можно так же и предположить, что император Николай Первый «надеялся на литературный талант А. Пушкина» который позволит ему создать не исторический труд, а популярную в народе книгу с изложением в ней, официальной точки зрения на Е.Пугачёва и его злодеяний! Тем более, что сам император «соизволил» назначить себя «личным цензором» А. Пушкина.

Сам же вопрос о написании А. Пушкиным «Истории Пугачевского бунта» и все связанные с этим трудом вопросы будут рассмотрены в первой части этой работы.

А далее, я просто процитирую (для подтверждения доводов о двойственной оценке Пугачёва) два отрывка о Е. Пугачёве из двух разных энциклопедий, составителей которых намертво разделил кровавый 1917 год.

И вот, какую характеристику давали Е. Пугачёву, в Российской империи составители самой авторитетной в России энциклопедии – «Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона». – С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907. Автор текста г-н Н. Василенко основываясь на работе Н. Дубровина, "Пугачев и его сообщники" (т. I) писал.

«Побег Пугачева произвел в Петербурге сильное впечатление; строго было предписано принять все меры к его поимке, но поймать его не удалось.

Между тем, П. направлялся к Яицкому городку, бросив по дороге своих товарищей, и пришел в умет к Оболяеву (Ереминой Курице).

Пробыв несколько дней, П. был однажды вместе с Оболяевым в бане.

Здесь Оболяев обратил внимание на оставшиеся у П. на груди после болезни знаки. П. сначала промолчал, но по выходе из бани заявил Оболяеву, что это царские знаки. Еремина Курица сначала отнесся к этим словам с недоверием, но когда П. стал кричать на него, то сомнения у него рассеялись.

С согласия П. Оболяев открыл Григорию Закладнову, что П. – не кто иной, как император Петр III. Закладнов с улыбкой проговорил на это: "что за диво такое – конечно, Господь нас поискал".

Как раз в это время в Яицком войске приводился в исполнение приговор по делу об убийстве Траубенберга, и казаки были недовольны.

Это создало благоприятную почву для распространения слуха о том, что Петр III жив. Рассказы о первом посещении П. Яицкого городка принимали легендарный характер.

Несколько казаков решились ехать в умет к Оболяеву проверить слух об императоре. П. принял их с важностью, областал, обещал всяческие милости войску.

"Я даю вам свое обещание, – говорил он, – жаловать ваше войско так, как Донское, по двенадцати рублей жалованья и по двенадцати четвертей хлеба; жалую вас рекой Яиком и всеми протоками, рыбными ловлями, землей и угожьями, санными покосами безданно и беспошлинно; я распространю соль на все четыре стороны, вези кто куда хочет и буду вас жаловать так, как и прежние государи, а вы мне за то послужите верой и правдой".

Вообще, П. обещал все то, о чем всегда мечтали яицкие казаки.

Приезжавшие казаки были в полной уверенности, что П. – император!

Сам он правда едва не попался от разыскивавшие его стражников, когда в это время, отправившись в Малыковку в дом своего кума. Но ему удалось уйти от погони и скрыться в Иргизских лесах.

«Еремина же Курица» был арестован, и П. без него прибыл в Таловый умет, где его ожидали яицкие казаки: Чучков, Караваев, Шигаев, Мясников и Зарубин.

Последний был известен под именем Чики, а впоследствии назывался графом Чернышевым. Свидание произошло в степи; П. старался уверить казаков, что он император, но они все

же сомневались, в особенности Зарубин. Результатом свидания было, однако, присоединение означенных казаков к самозванцу.

Казаки эти знали, что П. не император!

На сомнения Чики Караваев говорил: "пусть это не государь, а донской казак, но он вместо государя за нас заступит, а нам все равно, лишь бы быть в добре!".

Позже Зарубин (Чика) прямо спросил Пугачева об его происхождении, и П., как показал Чика на следствии, сделал ему признание, что он действительно донской казак и что, услышав по донским городам молву, будто император Петр Федорович жив, и решил принять его имя.

Под его именем, – продолжала П., – я могу взять Москву, ибо прежде наберу дорогой силу, и людей будет у меня много, а в Москве войска никакого нет".

Это же признание П., по его собственным словам, сделал Караваеву, Шигаеву и Пьянову.

"Итак, – замечает исследователь пугачевщины, Дубровин, – происхождение и личность П. для яицких казаков не имели никакого значения; им необходим был человек чужой среды, никому не известный в войске, человек такой, который, воспользовавшись уверенностью русского народа, что Петр III жив, провозгласил бы себя государем и возвратил войску яицкому все его права, привилегии и вольность".

А все это говорит нам о отсталости и недалекости вышперечисленных лиц, ибо подобного рода государственные перевороты таким путем не делаются!

Тут у Е. Пугачева если бы у него были реальные планы занять царский трон, ему были нужны и активные и влиятельные союзники в дворянской среде, а вот их то у него и не было м связи с чем изначально «восстание Е. Пугачева» было одной большой АВАНТЮРОЙ!

После свидания в степи, возле Талового умета, принадлежавшего Ереминой Курице, казаки разъехались и начали осуществлять первоначальный план восстания, согласно заранее распределенных ролей.

Шигаева и Караваева П. послал в Яицкий городок за знаменами и оповестить войско о появлении Петра III, а сам с Зарубиным, Мясниковым и Чучковым отправился в степь, к Узеньям.

По дороге они расстались: Чучков поехал на Узень, а Пугачев с Мясниковым и Зарубиным (Чикой) – через Сырт, степью, к Кожевниковым хуторам. Здесь П. приняли сначала с большим недоверием, но, при помощи сопровождавших его товарищей, это недоверие скоро рассеялось, и слух о появлении императора стал распространяться по хуторам.

Из Кожевниковых хуторов П. отправился на Усиху. Его сопровождали 6 человек. Шигаев и Караваев, равно как и вся партия, их посылавшая, деятельно работали в пользу П. в Яицком городке и приготавливали знамена.

В числе ревностных приверженцев П. был и казак Яков Почиталин, впоследствии первый секретарь самозванца.

Все происходившее не могло долго оставаться неизвестным старшине и коменданту Симонову: они отправили на реку Усиху отряд, чтобы схватить самозванца, но приверженцы П. успели известить его, и отряд не нашел его на прежнем месте.

Вместе со своей свитой, в составе которой был теперь и Почиталин, П. отправился на Бударинские зимовья в хутор Толкачева. Медлить теперь было нельзя.

По дороге, в поле, Почиталин, как единственный грамотный человек, написал первый манифест Пугачева. П. был неграмотен, не мог его подписать, но отговаривался какой-то "великой причиной", которая будто бы до Москвы мешает ему подписывать бумаги собственноручно.

17 сентября 1773 г. в хуторе Толкачева манифест был прочитан перед собравшимися казаками, число которых достигло уже 80-ти человек.

"И которые, – говорилось, между прочим, в этом манифесте, – мне государю, императорскому величеству Петру Федоровичу, винные были, и я государь Петр Федорович во всех винах

прощаю и жаловаю я вас: рякою с вершин и до уся и землею, и травами и денежным жалованьям, и свинцом и порохам и хлебным провиянтам, я, великий государь амператор, жалую вас Петр Федарович..."

После этого развернули знамена и двинулись к Яицкому городку. По хуторам были разосланы гонцы собирать людей к государю. Так началась пугачевщина».

Из этого отрывка видно, что перед читателем Е. Пугачёв выступает только как политический АВАНТЮРИСТ бывший в свою очередь такой же МАРИОНЕТКОЙ в руках других политических авантюристов.

Ведь «происхождение и личность П. для яицких казаков не имели никакого значения; им необходим был человек чужой среды, никому не известный в войске, человек такой, который, воспользовавшись уверенностью русского народа, что Петр III жив, провозгласил бы себя государем и возвратил войску яицкому все его права, привилегии и вольность»!!!

А авантюризм заключался в том, что МИР не заканчивался за пределами территорий подконтрольных яицким казакам.

С тех прошло еще 100 лет и вот в последней редакции БСЭ (1974 г.) автором статьи Р.Ф. Овчинниковым, была дана вот такая общая характеристика Пугачёву и всему народному движению под его руководством.

«Осенью 1772 (Пугачев-автор) поселился среди заволжских старообрядцев на р. Иргиз, где узнал о разгроме восстания яицких казаков. П. начал подговаривать казаков к побегу на вольные земли за Кубань, но вскоре по доносу был арестован, в январе 1773 доставлен в Казань и приговорён к ссылке на каторгу в Сибирь.

В мае 1773 П. бежал из казанского острога.

В август 1773 снова появился в селениях яицкого казачьего войска.

По договорённости с группой яицких казаков, ветеранов восстания 1772, П. решил принять имя покойного императора Петра III и поднять казачество на новое выступление, надеясь на поддержку его крестьянством.

Взгляды П. на конечные цели восстания не шли дальше наивных представлений народных масс о возможности построения крестьянско-казацкого государства во главе со справедливым «мужицким царём»!

Ну, а где тут правда в истории жизни и смерти Е. Пугачева можете спросить читатель?

А нет ее там, ибо Правда, она находится в тех документах, дошедших до нашего времени где зафиксированы в первую очередь слова самого Е. Пугачева.

Но и документы сами по себе содержащие правду, не могут ее полностью сами по себе раскрыть. Тут нужен комплексный подход.

Когда документы будут сравниваться с выводами историков разных времен работавшими с этими документами.

А весь процесс нашего нового исторического исследования «Крестьянской войны в России 1773-1775 годов» будет у нас проходить в форме исторического расследования, проводимого по правилам современного судопроизводства.

Часть 1

Приступая изучению истории «Крестьянской войны 1773-1775 годов» в Российской империи мы с вами уважаемый читатель никак не можем пройти мимо личности автора первой из опубликованных в России работ на эту тему – А.С. Пушкина.

Но вот одна незадача!

А.С. Пушкин в России во время своей жизни и после своей смерти, это два совершенно разных человека и писателя!

До 1917 года он был всего лишь одним из известных российских поэтов, после 1917 г. новой коммунистической властью был взведён в ранг «борца с царизмом» с примесью «стойкого декабриста» и официально объявлен «ГЕНИЕМ» – якобы создавшим «литературный вариант русского языка»!

И с этих пор А. Пушкин стал своего рода «священной коровой» в российской истории, когда разрешено только его хвалить и почитать!

Но, мы в этой работе не будем затрагивать этот спорный вопрос с «культом личности» А. Пушкина и о его «вкладе» в российскую литературу, а сразу перейдем к сути проблемы.

И тут я скажу, что не все даже ГЕНИЮ не все удается! Ведь гениальность это 95% труда и 5% везения! А вот трудится наш А.С. Пушкин не любил и за работу обычно брался после больших проигрышей в карты, чтобы иметь возможность погасить долги...

И тут, как нельзя уместной является русская пословица: «И на старуху бывает проруха», так и случилось и с А. Пушкиным, при написании им работы «История Пугачевского бунта».

Да и сама история написания этого «труда» уже достойна отдельного очерка, ибо является хорошей иллюстрацией к «заветным словам» популярной современной песни А. Макаревича

Не стоит прогибаться под изменчивый мир,

Пусть лучше он прогнется под нас.

Однажды он погнется под нас.

А при написании им «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкин по отношению к императору Николаю Первому прогнулся. И очень сильно!

Об этом могут свидетельствовать вот эти факты из его биографии.

В 1831 году А. Пушкин писал графу Бенкендорфу – начальнику Корпуса российских жандармов: «Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям просить дозволения заняться историческими изысканиями в наших Государственных хранилищах и библиотеках».

Как бы это «более соответствовало бы моим занятиям и склонностям» громко и не звучало в устах А. Пушкина, это «прошение» нашло своих адресатов!

Ведь к этому времени в России исполнялось 100 лет с времени начала «пугачевского бунта», но ни один из российских историков за это время не опубликовал в отрывной печати ни строки об этом событии!

И все это было следствием мер «строжайшей секретности» принятых еще императрицей Екатерина II для того, чтобы сведения о «Крестьянской войне 1773-1775 годов» не появилось ни слова на страницах печати.

И действительно, найти хотя бы упоминание о происходивших событиях, о Пугачеве в газетах того времени невозможно. Правительственные «Санкт-Петербургские ведомости» не напечатали ни строчки о потрясших Россию событиях!

Как будто и не было никогда никакого Пугачёва...

Но, император Николай Первый решил нарушить этот запрет и выбрал для этого, как ему казалось подходящего, в смысле «подконтрольности» исполнителя – А.С. Пушкина, у кото-

рого, он уже успел сам себя назначить «личным цензором», что для Пушкина было двойной цензурой.

Сначала его работы со всей тщательностью проверял обычный цензор, а потом цензор «доносил» свои мысли императору и тот уже налагал «правки» в его работы или вообще запрещал их к публикации.

И в связи с прошением и попыткой А. Пушкина стать новым «придворным историком», тут же вскоре последовал Высочайший указ:

«Государь император высочайше повелеть соизволил: отставного коллежского секретаря Александра Пушкина принять на службу тем же чином и определить его в государственную Коллегию Иностранных Дел».

За ним последовал новый указ:

«Государь император всемилостивейшее соизволил пожаловать, состоящего в ведомстве Государственной Коллегии Иностранных Дел коллежского секретаря Пушкина, в титулярные советники»

То есть А. Пушкина сразу повысили с 8 класса в 9, хотя он, не прослужив и дня из положенных четырех лет!

Получив же в итоге всех этих «торгов» с императором «высочайшее соизволение» на написание истории Пугачёва в феврале 1833 г. он обратился с письмом к военному министру А.И. Чернышеву, прося последнего разрешить ему заняться материалами из архива Генерального Штаба, касающимися генералиссимуса А.В. Суворова-Рымникского, для написания его биографии.

При чем тут еще один российский «ГЕНИЙ» Р – А.В. Суворов, может спросить неискушённый в российской истории читатель?

А при том уважаемый читатели, что кровавая «честь и слава» за подавления восстания Пугачёва принадлежит А. Суворову!!! который хотя, не принимая никакого участия в самих боевых действиях с отрядами Е. Пугачева, но зато отличился в карательных экспедициях и лично стал тюремщиком Пугачёва и его сына, от момента ареста и до самого вынесения Пугачеву смертного приговора!

И именно этим он в первую очередь заслужил «благоволение» императрицы Екатерины Второй!!!

В 1774 г. А.В. Суворов как «прославившийся в империи» подавитель восстания поляков (Война с Барской конфедерацией. 1769—1772) был назначен командующим 6-й московской дивизией и в августе того же года был направлен для участия в подавлении Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачёва, что свидетельствовало о том, что правительство относилось к восстанию с большой серьёзностью.

Однако к моменту прибытия Суворова к Волге основные силы повстанцев были разгромлены подполковником И. И. Михельсоном. Суворов с войском отправляется в Царицын, где в начале сентября соединяется с Михельсоном и начинает преследование убегающего Пугачёва.

У реки Большой Узень он почти настиг его, но в это время казачий сотник Харчев, уже пленил Пугачёва. Суворов отвёз пленного в Симбирск, а затем в Москву и некоторое время еще занимался ликвидацией отрядов мятежников и умиротворением населения, оказавшегося в зоне влияния восстания.

Но к А. Суворову мы еще в нашем повествовании встретимся неоднократно, а теперь возвращаясь в канву повествования, надо сказать, что вскоре «разрешение» на допуск в архивы было получено.

25 февраля и 8 марта 1833 года Пушкину были предоставлены нужные документы о событиях бунта, а 25 марта он уже приступил к написанию «Истории Пугачева»;

22 мая 1833 г. уже закончена первая черновая редакция всего труда.

Работа продолжалась очень интенсивно и далее, дополнялась новыми материалами, исправлялась и перерабатывалась в течение всего 1833 и начале 1834 года.

По приезде 1 октября 1833 г. в Болдино Пушкин приводит в порядок собранные материалы.

2 ноября 1833 г. помечен новый текст предисловия к историческому труду, и этой датой определяется окончание всей работы над «Историей Пугачёва».

6 декабря 1833 года Пушкин писал Главному начальнику III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии (1826—1844) графу Бенкендорфу о законченной им «Истории», прося «дозволение представить оную на высочайшее рассмотрение».

По докладу Бенкендорфа Николай I ответил согласием на издание «Истории Пугачёва», но на представленной ему рукописи сделал ряд замечаний, которые пришлось учесть при окончательной подготовке рукописи к печати.

При этом Пушкин также получил ссуду в 20 000 рублей на осуществление издания и предполагал иметь от него некоторую прибыль.

Николай I, утверждая эту выдачу, 16 марта 1834 года переименовал «Историю Пугачёва» в «Историю Пугачёвского бунта».

Накануне 1834 года Николай I очевидно «за заслуги» производит «своего историографа» в придворный чин «камер-юнкера» в результате чего А. Пушкин сразу поднимается в Табеле о рангах в 5 класс!

Его придворный чин был выше чина полковника в армейской пехоте и гвардии и равен чину «Статского секретаря» в гражданской службе. Обычному чиновнику требовалось для этого беспорочно прослужить 20-25 лет.

Но для А. Пушкин это чинопроизводством стало чуть ли не «личным оскорблением»! и 25 июня 1834 года Пушкин подаёт в отставку с просьбой сохранить право работы в архивах, необходимое для исполнения «Истории Петра».

Мотивом были указаны семейные дела и невозможность постоянного присутствия в столице.

Прошение было принято с отказом пользоваться архивами, таким образом, Пушкин лишился возможности продолжать работу.

Следуя совету Жуковского, Пушкин отозвал прошение.

Позднее Пушкин просил отпуск на 3—4 года: летом 1835 года он писал теще, что собирается со всей семьёй ехать в деревню на несколько лет.

Однако в отпуске ему было отказано, взамен Николай I предложил полугодовой отпуск и 10 000 рублей, как было сказано, «на вспоможение». Пушкин их не принял и попросил 30 000 рублей с условием удержания из своего жалования, отпуск ему был предоставлен на четыре месяца.

Сама же «История Пугачёвского бунта» после прохождения цензуры вышла в свет в декабре 1834 года в количестве 3000 экземпляров, но успеха у читателей не имела!

Большая часть экземпляров издания осталась нераспроданной.

Да и сейчас если взять эту книгу в руки, то мы не увидим в нем исторического труда. Это если говорить современным языком книга «для чайников» т.е. лиц совершенно далеких от истории как научной дисциплины...

Потом были другие публикации по истории «Пугачёвского бунта», а работа А. Пушкина по-прежнему валялась на пыльных книжных полках, не удостоиваясь внимания историков.

Как стати и еще одна историческая работа «История Петра Первого» тоже не признанная в России и при жизни Пушкина не переиздававшаяся...

Но, в этой нашей новой попытке объективного изучения личности и деяний Е. Пугачева мы наряду с подлинными архивными документами будем обращаться и к труду А. Пушкина.

И тут нам понадобятся его осмысление далее нами цитируемых д исторических документов и интересными будут и те выводы, к которым он пришел.

Я не знаю, уважаемый читатель читали ли вы труд А. Пушкина «История Пугачевского бунта» но если нет, то советую все же ее хотя бы бегло просмотреть, перейдя вот по этой ссылке: http://www.rummuseum.ru/lib_p/push02.php

И тут, самое время перейти от предисловия, к анализу труда А. Пушкина.

В главе 2 он дает нам вот такую характеристику жизни Е. Пугачева до начала им «восстания»!

«И вот в смутное сие время, по казацким дворам шатался неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хозяину, то к другому, и принимаясь за всякие ремесла.

Он был свидетелем усмирения мятежа и казни зачинщиков, уходил на время в Иргизские скиты; оттуда, в конце 1772 года, послан был для закупки рыбы в Яицкой городок, где и стоял у казака Дениса Пьянова.

Он отличался дерзости своих речей, поносил начальство, и подговаривал казаков бежать в области турецкого султана; он уверял, что и Донские казаки не замедлят за ними последовать, что у него на границе заготовлено двести тысяч рублей и товару на семьдесят тысяч, и что какой-то паша, тотчас по приходу казаков, должен им выдать до пяти миллионов; покамест обещал он каждому по двенадцати рублей в месяц жалованья.

Сверх того, сказывал он, будто бы против Яицких казаков из Москвы идут два полка, и что около рождества, или крещенья, непременно будет бунт.

Некоторые из 20 послушных хотели его поймать и представить, как возмутителя, в комендантскую канцелярию; но он скрылся вместе с Денисом Пьяновым и был пойман уже в селе Малыковке (что ныне Волгск) по указанию крестьянина, ехавшего с ним одною дорогою.

Сей бродяга был Емельян Пугачев, донской казак и раскольник, пришедший с ложным письменным видом из-за польской границы, с намерением поселиться на реке Иргизе, посреди тамошних раскольников.

Он был отослан под стражею в Симбирск, а оттуда в Казань; и как все^о, относящееся к делам Яицкого войска, по тогдашним обстоятельствам могло казаться важным, то оренбургской губернатор и почел за нужное уведомить о том государственную Военную коллегияу донесением от 18 января 1773 года.

Яицкие бунтовщики были тогда не редки, и казанское начальство не обратило большого внимания на присланного преступника. Пугачев содержался в тюрьме не строже прочих невольников.

Между тем сообщники его не дремали. Однажды он, под стражею двух гарнизонных солдат, ходил по городу, для собирания милостыни. У Замочной Решетки (так называлась одна из главных казанских улиц) стояла готовая тройка

Пугачев, подошед к ней, вдруг оттолкнул одного из солдат, его сопровождавших; другой помог колоднику сесть в кибитку и вместе с ним ускакал из города.

Это случилось 19 июня 1773 года. Три дня после в Казани получено было утвержденное в Петербурге решение суда, по коему Пугачев приговорен к наказанию плетьюми и к ссылке в Пелым, на каторжную работу.»

Ну, а теперь давайте откроем подлинный протокол допроса Пугачёва и прочтем, как и почему же он стал «бунтовщиком», был ли он раскольником и т.д., и т.п.

И тут я хочу вам уважаемый читатель представить новое действующее лицо нашего очерка— Маврин Савва Иванович.

Оно нам очень важно поскольку лично встречалось с Пугачёвым и именно им были выполнены допросы Пугачева легшие в основу его обвинения.

И именно от него зависело, что из рассказов Пугачёва будет признано важным для занесения в протокол его допроса, а что нет.

Справка: Маврин Савва Иванович (1744 – 1809), капитан-поручик лейб-гвардии Семеновского полка. 15 и 16 сентября 1774 г. допрашивал Е.И. Пугачева в Яицком городке и таким образом является по сути самым первым его «историографом»!

В 1773-1774 гг. служил в учрежденных Екатериной II секретных комиссиях, производивших следствие и вершивших расправу над захваченными в плен пугачевцами.

Начал со службы в Казанской комиссии, находившейся в ведении командующего карательными войсками генерал-аншефа А.И.Бибикова.

Вместе с Мавриным в этой комиссии служили капитан А.М.Лунин, поручик В.И.Собакин и подпоручик Г.Р.Державин (впоследствии известный российский поэт), а также секретарь Тайной экспедиции Сената И.З.Зряхов.

Весной 1774 боевые действия переместились на восток, к Оренбургу, где скопилось до двух с половиной тысяч пленных, в числе которых были и видные вожаки восстания.

Для производства следствия над ними Екатерина II указом от 26 апреля 1774 предписала откомандировать из Казани в Оренбург Лунина, Маврина и Зряхова (оставив в Казани Собакина и Державина).

Руководство деятельностью вновь утвержденной Оренбургской секретной комиссией императрица возложила на оренбургского губернатора И.А.Рейнсдорпа.

Прибыв в Оренбург 5 мая 1774, Маврин и его сослуживцы провели допросы ближайших сподвижников Пугачева – Шигаева, Почиталина, Горшкова, Мясникова, Подурова, Соколова-Хлопуши, Толкачева, Каргина и др., а также многих сотен рядовых повстанцев.

Подводя первые итоги расследования, уже 21 мая Маврин отправил в Петербург донесение, в котором отважился утверждать, что Пугачевское восстание было вызвано не самозванством Пугачева и, более того, не происками некоей мифической агентуры, враждебной интересам России, а бедственным положением народа.

Его попытка открыть правительству глаза на социальные причины массового стихийного движения, во главе которого встал Пугачев, не нашла ни внимания, ни одобрения в Петербурге.

Донесение Маврина, рисующее картину крепостнического угнетения и бесправия народа, прежде всего крестьянства, до Екатерины не дошло.

В июне 1774 императрица возложила руководство секретными комиссиями на генерал-майора П.С.Потемкина.

В конце июля он приказал Маврину отправиться из Оренбурга в Яицкий городок и провести там повторное расследование причин восстания казаков "мятежной" стороны на Яике в 1772.

К исполнению этого поручения Маврин приступил 11 августа 1774, сразу по приезде в Яицкий городок; помимо того, допрашивал и содержавшихся там под арестом казаков-пугачевцев.

К сотрудничеству в Яицкую секретную комиссию Маврин привлек капитана местного гарнизона А.П.Крылова (отца будущего баснописца).

В ночь на 15 сентября к нему был доставлен арестованный в заволжской степи Пугачев. Основной допрос, оформленный протоколом, Мавриным был произведен 16 сентября.

В те же дни он допрашивал казаков-повстанцев из последнего пугачевского отряда, явившихся в Яицкий городок с повинной. Среди них были люди из ближайшего окружения Пугачева: Перфильев, Коновалов, Фофанов, Кузнецов.

В ноябре 1774 Маврин под своим конвоем доставил в Москву группу видных пугачевцев, привлеченных к "генеральному" следствию.

С 1775 он продолжил свою службу в Петербурге, в лейб-гвардии Семеновском полку а в 1782 был переведен из гвардии в штат Военной коллегии на пост генерал-провиант-мейстера. В 1791 Маврина произвели в генерал-поручики и назначили генерал-губернатором Казанского и Вятского наместничеств. В 1797 Павел I уволил его в отставку.

А теперь зная, что о Пугачеве поведал нам А. Пушкин, давайте, начнем читать сам «Протокол допроса Пугачёва» составленный С. Мавриным со слов самого Пугачева.

Но по ходу изложения текст протокола допроса будет дополняться отделанными документами и справками. Это поможет внимательному читателю полностью погрузиться в тот исторический период времени и правильно понять ход событий и действия каждого из исторических персонажей этой исторической драмы.

Протокол допроса от 16 сентября 1774 г.

«1774-го года сентября 16 дня в отделенной секретной комиссии, что в Яицком городке, государственной злодей, похитивший имя в бозе почивающего императора Петра Третьяго, Емелька Пугачев допрашивай и показал.

Родиною я донской казак Зимовейской станицы Емельян Иванов сын Пугачев, грамоте не умею, от роду мне 32 года.

Отец мой – донской же казак, Иван Михайлов сын (оной умре).

Брат мой, Дементей Пугачев, находился в турецком походе, а ныне где обретается, – того не знаю.

Имею еще две сестры, большая, Ульяна, в замужестве Донскаго войска за казаком Федором Брыкалиным, а другая, Федосья, в замужестве ж за вывезенным еще в малолетстве пруской нации за полонеником Симаном Никитиным сыном, по прозванию Павловым, которой потом и написан Данскаго же войска в казаки, и переведен был с протчими для житья в Таганрог, которой, уповательно, и теперь там находится.

До семнадцатилетнего возраста жил я все при отце своем так, как и другия казачьи малолетки в праздности; однакож, не раскольник, как протчия донския и яицкия казаки, а православнаго греческаго исповедания кафолической веры, и молюсь богу тем крестом, как и все православныя христиане, и слагаю крестное знамение первыми тремя перстами (а не последними).

На осьмнадцатом году своего возраста написан я в казаки в объявленную же Зимовейскую станицу на место отца своего, ибо оной пошел тогда в отставку.

А на другом году казачьей службы женился Донскаго же войска Ясауловской станицы на казачьего Дмитрия Недюжева дочери Софье, и жил с нею одну неделю: наряжен был в пруской поход».

Некоторые части протокола допроса Е. Пугачева нуждаются в дополнительных разъяснения, и они по мере нужды будут мною вставляться в текст допроса, но отделены от основного текста данного очерка наклонным шрифтом.

(Пугачева (урожденная Недюжева) Софья Дмитриевна, дочь казака Есауловской станицы, жена Е.И. Пугачева с 1760 г., в феврале 1774 г. вместе с детьми Трофимом, Аграфеной и Христиной была взята под стражу. По определению Сената в январе 1775 г. заключена с детьми и с У.П. Пугачевой (Кузнецовой) в крепость Кексгольм, где и умерла в начале XIX в. (не ранее июля 1803 г.).

«Сие было в котором году, – не помню, также и которая была компания. Командиром в то время был при том наряженном Донском войске полковник Илья Федоров сын Денисов, который и взял меня за отличную проворность к службе в ординарцы, так как и от других станиц у него состояло для разных посылок немалое число.

По выступлении с Дону пришли мы в местечко Познани, где и зимовали. Оной корпус, сколько ни было войск в Познани, состоял в дивизии графа Захара Григорьевича Чернышева.

Потом из Познани выступили в местечко Кравин, где ночью порою напали на передовую казачью партию прусаки, и хотя урону большого не было, однакож, учинили великую тревогу.

А как тут были в ведомстве у меня полковника Денисова лошади, то в торопости от прусаков, не знаю, как, упустил одну лошадь, за которую мою неосторожность объявленной Денисов наказал меня нещадно плетью.

(Денисов Илья Федорович, донской войсковой старшина и казачий полковник, участник Семилетней войны 1756 – 1763 г.г. и Русско-турецкой войны 1768 – 1774 г.г. В апреле-сентябре 1774 г. участвовал в боевых операциях против повстанческих отрядов Е. И. Пугачева.)

Из Кравина выступили в Кобылий. Тут, или в другом месте, не упомяну, пришло известие из Петербурга, что ея величество, государыня императрица Елисавета Петровна скончалась, а всероссийский престол принял государь император Петр Третий.

А вскоре того и учинено с прусским королем замирение, и той дивизии, в коей я состоял, велено идти в помощь прусскому королю против его неприятелей.

А недоходя реки Одера идущую тут дивизию, над коей, как выше сказано, шеф генерал граф Чернышев, встретили прусские войски, и чрез Одер вместе перешли.

А на другой день, но переходе сам его величество ту дивизию смотрел. Были у прусского короля – сколько время, – не упомяну. Отпущены были в Россию.

При возвращении ж в Россию, перешел реку Одер, пришло известие из Петербурга, что ея величество, государыня Екатерина Алексеевна, приняла всероссийский престол, и тут была в верности присяга, у которой, и я был.

В то время было мне лет 20, а о названии себя государем и в голову еще не приходило.

Возвратясь из того похода в дом свой, жил я в своем доме 4 года, в которое время прижил с женою своего сына Трофима, коему отроду ныне 10 лет, и дочь Аграфену, оной ныне шестой год.

(Пугачев Трофим Емельянович (1764 – 1819), сын Е.И. Пугачева. В феврале 1774 г. вместе с матерью С.Д. Пугачевой и сестрами Аграфеной и Христиной взят под стражу, в ноябре доставлен в Москву, в Тайную экспедицию Сената. По приговору суда вместе с матерью и сестрами был заключен в январе 1775 г. в крепость Кексгольм, где и умер в начале 1819 г.)

Пугачева Аграфена Емельяновна (1768 – 1833), старшая дочь Е.И. Пугачева. В феврале 1774 г. вместе с матерью С.Д. Пугачевой, братом Трофимом и сестрой Христиной была взята под стражу, в ноябре доставлена в Москву, в Тайную экспедицию Сената. По приговору суда Аграфена Пугачева вместе с матерью, братом и сестрой заключена в январе 1775 г. в крепость Кексгольм, где и умерла 7 апреля 1833 г.)

«Потом командирован я был в числе ста человек в Польшу при есауле Елисее Яковлеве.

А пришёл туда, та команда принята была в свое ведомство господином генералам Кречетниковым.

Служба наша в то время состояла: выгонять из Польши российских беглецов, кои жили тамо в разных раскольничьих слободах.

А как таковых множество собрано было, то генерал Кречетников отправил нас, донских казаков, при афицерах в город Чернигов, где беглецы и отданы были в ведомство тамошнему коменданту.

А я с прочими казаками приехал в дом свой и жил полтора года, и прижил меньшую свою дочь Христину, коей ныне четвертой или пятой год.

(Пугачева Христина Емельяновна (1771 – 1826), младшая дочь Е.И. Пугачева. В феврале 1774 г. вместе с матерью С.Д. Пугачевой, братом Трофимом и сестрой Аграфеной была взята под стражу, в ноябре доставлена в Москву, в Тайную экспедицию Сената. По приговору суда Христина Пугачева вместе с матерью, братом и сестрой заключена в январе 1775 г. в крепость Кексгольм, где и умерла 13 июня 1826 г.)

«Потом, по насланной из Государственной Военной коллегии грамоте, командировано было из Донского войска в ныне прошедшую Турецкую войну 4 полка.

Командиром при оных был атаман Тимофей Федоров сын Греков. В которой поход, и я в полку Кутейникова во второй сотне хорунжим был послан.

И пришед в Бахмут, стояли целую зиму. А весною пошли на польскую границу, где, совокупясь с военными командами (командир в то время был его сиятельство, господин генерал-аншеф граф Петр Иванович Панин) и пошли под Бендеры.

А как оныя взяли, то выступили на зимния квартиры в город Елисавет.

И из села Каменки отпущен я был в дом свой, так как и другия сто человек казаков в отпуск.

Однакож, я, за болезною своею, на месяц, а по прошествии сроку велено было явиться опять к команде, где обретаться будет армия.

Приехав в свой дом, хотя болезнь моя не умалилась, а умножилась, однакож, как вышел срок моему отпуску, собрал свою команду, и прямым трактом пошел на реку Донец.

А перешед оной, увидел, что по причине своей болезни ехать никак не мог.

Но, чтоб служба за мною не стала, нанял за себя казака Михаилу Бирюкова, которой в армию за меня с теми ста человеками казаков и поехал.

А я, весьма будучи болен, приехал в дом свой и лежал с месяц.

Как же увидели тут станичныя командиры, что я к выздоровлению безнадежен, ибо на ногах и на груди были величайшие раны, сказали мне, чтоб взял я станичной атестат и билет для свободного проезда и ехал в город Черкасск для отставки.

Которой я получа в руки, также о свободном проезде и билет, в город Черкасск поехал. А по приезде явился к войсковому атаману Степану Данилову сыну Ефремову.

(В 1771 – 1772 г г. комендантом в Таганроге был генерал-майор Даниил де Жедерас)

Оной сказал мне, чтоб шол для излечения ран в лазарет, – «а как де неизлечисся, то и тогда отставка тебе дастся, ибо де я увижу, что ты может быть со временем и вылечисся».

Однакож, я не пошел в лазарет, боясь того, чтоб больше болезнь моя не умножилась, а разсудил пользоваться на своем коште, о чем и Ефремову доносил, сказывая притом, что между тем поеду я в Таганрог к сестре своей для свидания.

На то Ефремов сказал: «Очень хорошо, пожалуй, де, поезжай, вить ты и билет имеешь для проезда, куда хочешь».

Почему я и приехал в Таганрог, зятя своего дома не получил, а сестра незапному моему приезду весьма обрадовалась. А чрез несколько дней, и зять мой в дом приехал.

Между многих разговоров зять сказывал: «Нас де хотят обучать ныне по-гусарски, и всяким регулярным военным подвигам».

А на то я отвечал: «Как де его кажется не годится, чтоб переменять устав казачьей службы, и надобно де о сем просить, чтоб оставить казаков на таком основании, как деды и отцы войска Донскаго служили».

На то зять мой, Симон Павлов, говорил:

«У нас де много уже и переменено, старшин де у нас уже нет, а названы вместо оных ротмистры; а когда де нас начнут обучать не по обыкновению казацкому, то мы, сколько нас ни есть, намерены бежать туда, куда наши глаза глядеть будут».

На сие я ничего не сказал, а жил тут три недели, стал собираться домой, то сестра моя стала проситься для свидания с матерью своею, которую я с позволения зятя своего с собою и взял.

Приехав па речку Тузлов, разстоянием от города Черкаска верст сорок, стал кормить лошадей, в которое время и зять мой меня нагнал в числе трех человек казаков, и сказывал, что они бежали для того, что не хотят служить под новым обрядом службы.

На то я говорил:

«Что вы это вздумали, беду и со мною делаете, ни равно будет погоня, так по поимке и меня свяжут, в тех мыслях якобы вас подговорил, а я в том безвинно отвечать принужден буду».

На то они говорили:

«Что де ты ни говори, мы назад не поедем, а поедем туда, куда бог наразумит».

А на то я им сказал:

«Когда вы уже сие предприняли, так бегите на реку Терик, там де много живут людей, рек и лесов довольно, и так прожить будет способно. А тамошняя жители странноприимчивы, и вас для житья примут».

Почему ехать они туда и согласились, а как лошадей выкормили, то и поехали вместе.

Не доехав же Зимовейской станицы зять мой, простясь со мною и с женою, а моею сестрою, в числе трех человек поехал в сторону, а я приехал в дом свой. Сестра, побыв у меня в доме, пошла к свекру своему, Зимовейской же станицы казаку Никите Павлову.

На другой день показанной зять мой Никитин, он же и Павлов, оставя бежавших с ним казаков в лесу, сам к отцу своему в дом приехал.

А как отец его спрашивал, зачем он приехал из Таганрога, то он отвечал:

«За женою, ибо де бригадир, в Таганроге бывшей, взыскивал на мне, что жена моя без спросу уехала, хотя и с братом, но на мне взыскивает строго, говоря притом, сюда де жон на житье силою привозят, а ты отпускаешь».

И тем от отца отговорился, не сказывая отнюдь ему своего к побегу намерения. Жил зять мой у отца своего только одни сутки и сказав ему, что едет обратно в Таганрог, и не быв у меня, из Зимовейской станицы выехал.

А в полночь приехал к моему двору и спрашивал:

«Покажи де нам дорогу на Терик».

На то я отвечивал:

«Ты де за солью на Маныч хаживал, так поди сею дорогою, а она и доведет тебя до Терика». Потом просил меня, чтоб я перевез его чрез Дон.

И хотя я от сего отговаривался, однокож, по усиленной прозьбе, их перевез и с сестрою своею. По перевозе же говорил я зятю: «Что есть ли вас поймают, так будут взыскивать на мне, для того, что сестра у меня в доме была, и после с тобою бежала».

А зять мне говорил:

«Сие будет неправосудно, вить в станице знать будут, что я взял уже сестру твою на свои руки. так в чем тебе ответствовать должно?»

Потом, простясь я с своим зятем и сестрою, назад в дом свой возвратился, а они на Терик в путь свой отправились.

По разстании, зять мой ездил по степи недели три и, не нашед того тракта, куда на Терик ехать, возвратились в станицу Зимовейскую, где, по распросе атаманом, принуждены они были признаться, что бежали.

А как спрошены были, кто чрез Дон, как туда поехали, их перевез, то и принуждены они были сказать на меня.

А как я услышал, что зять мой меня оговорил и будет мне беда, то, не сказав жене своей и матери, коя еще жива была, бежал и жил недели две в степи около речек, а потом в дом свой приехал. Когда ж узнали обо мне в станице, то взяли под караул и отослали в Чирскую станицу в розыскную команду.

А в розыскной во всем я признался, и послан был в город Черкасск в колодке по станицам, чтоб за безопасным канвоём туда был доставлен».

Тут мы прервем цитирование допроса Пугачёва поскольку поздние историки уличили его в обмане следователя!

Ведь Е.И. Пугачев, рассказывая Маврину случай с Павловым и представляя себя **невинной жертвой наговоров и случайного стечения обстоятельств**, скрыл от следствия подлинную историю своих приключений в декабре 1771 – феврале 1772 г.

В начале декабря 1771 г. он был арестован за попытку побега с зятем С.Н. Павловым и двумя другими казаками за Кубань, на реку Куму, и содержался под караулом в станичной избе Зимовейской станицы.

21 декабря Пугачев, воспользовавшись беспечностью караула, бежал и направился на Кавказ. В начале января 1772 г. он добрался до Дубовской станицы на Тереке, где, скрыв обстоятельства своего появления на Тереке, упросил записать его казаком в Терское казачье войско.

В начале февраля на собрании казаков-новоселов Ищерской, Галюгаевской и Наурской станиц Пугачев был избран ходоком в Петербург для испрошения в Военной коллегии выдачи денежного жалованья и провианта.

Снабженный документами на эту миссию, Пугачев отправился в путь, добрался до Моздока, но там был арестован, допрошен в комендантской канцелярии и заключен на гауптвахту.

Подговорив караульного солдата Венедикта Лаптева, Пугачев бежал с ним 13 февраля из Моздока.

Возвратившись в начале марта 1772 г. в Зимовейскую станицу, Пугачев был задержан, и на станичном сборе рассказал казакам о своих похождениях на Тереке, после чего был взят под стражу и отправлен в Чирскую станицу к командиру розыскной команды старшине М.Ф. Макарову (Федотову), который и повез его в Черкасск, чтобы там представить к дознанию в Донскую войсковую канцелярию.

Протокол показаний Е.И. Пугачева

на допросе в Моздокской комендантской канцелярии 9 февраля 1772 г.

«1772 года февраля 9 дня, представленный Моздоцкого казацкого полку от полкового есаула Агафонова при рапорте пойманный того полку казаками беглый человек при допросе ответом показал.

Зовут-де его Емельян Иванов сын Пугачев, родился он Донского войска в Зимовейской станице, где, будучи по возрасту и службу продолжал.

А прошло 771 года в декабре месяце из той Зимовейской станицы, не желая более в Донском войске продолжать службы, бежав, не захватывая нигде учрежденных застав, приехал прямо с Дону степью к переведенным в здешние места на поселение сказочным казакам в Ищорскую станицу, где отдохнув у тамо живущаго малороссиянина Харитона, а чей прозывается, – не знает, поехал оттуда прямо в Дубовскую станицу.

Прибыв же в оную, явился тамо войсковому атаману Павлу Татаринцову с тем, чтобы просить о принятии и о приписании его в Семейное войско казаком. А что он беглый донской казак, того ему, Татаринцову, не объявлял, но утаил; объявил же так, что будто бы он прибыл в прошлом году с прибывшими сказочными казаками, который атаман Татаринцов, по просьбе его, Пугачева в число Терское Семейное войско и приписал в Дубовскую станицу. Откуда, по просьбе же его, отпущен он, Пугачев, был с данным от него, Татаринцова, билетом в упомянутую Ищорскую станицу.

А будучи там с неделю, по собрании от всех прибывших сюда на поселение сказочных казаков, то есть, Галюгаевской, Ищорской и Наурской, атаман и старики согласно просили его, Пугачева, чтобы он взял на себя ходатайство за них о испрошении им в Государственной Военной коллегии к произведению денежнаго жалованья и провианта против Терскаго Семейнаго войска казаков.

Почему-де он, Пугачев, взяв от них на проезд двадцать рублей денег, ехать в Москву и согласился.

А как-де он, отправившись для того в путь свой из Ищорской станицы, поехал в Моздок для покупки харчу и прочего, то по выезде из того Моздока, за рогаткою казаками пойман и приведен к выше объявленному есаулу Агафонову, где и отдан под караул.

Печать же свинцовая под видом Донскаго войска 7 делана помянутой Ищорской станицы казаками, называемыми Ларионом Арбузовым и Петром Никитиным сыном Чумаковым. Кроме их, Арбузова и Чумакова, про ту печать, что она ему отдана, той станицы атаман и никто не знал.

Приложенные же при рапорте означеннаго есаула Агафопова в Государственную Военную коллегияу [доношение], также и заручная о бытии ему, Пугачеву, по желанию тех сказочных казаков, войсковым у них атаманом подписка писана с повеления, как выше значится, всех станиц трех атаманов и стариков казаком Ищорской станицы Иваном Поповым.

Другой же билет, данный ему от Каргалинской станицы, по повелению той же станицы атамана Максима Макарова за рукою писаря Григория Осипова, явился у него потому, что он, Пугачев, реченным войсковым атаманом Татаринцевым определен был прежде в ту Каргалинскую, а потом в Дубовскую станицу.

А из денег, данных ему от прежде писанных сказочных, двадцати рублей, семь рублей пятьдесят копеек издержал он, Пугачев, на попку, а двенадцать рублей пятьдесят копеек отобраны упоминаемым есаулом Агафоновым.

И в том де допросе он показал самую сухую правду.

К сему допросу, вместо беглага из Донскаго войска казака Емельяна Пугачева, за неумением им грамоте, по его прошению Моздоцкаго казачьяго полку сотник Иван Сафронов руку приложил.»

Как видит не упреждённый читатель ох не просто был Пугачёв и уже 1772 г. не смотря на свою молодость показал себя опытным авантюристом!

Но продолжим чтение допроса Е. Пугачева:

А как привезен был в Цынлянскую станицу, где казак Лукьян Худяков упросил протчих, чтоб отдали ему на поруки для доставления в Черкасск.

Когда ж тутошний атаман тому казаку по прозьбе ево отдал, то Худяков снял с меня колодку и послал в Черкасск с своим сыном малолетком, оному отроду было тогда около двадцати лет.

Которой малолеток и повез было, но отец сказал сыну своему на ухо, чтоб с дороги меня отпустил для того, что я с Худяковым водил хлеб и соль, так и учинил сие по приязни. И так сын Худякова вывез меня в степь, дал свободу.

(Худяков Лукьян Иванович, донской казак Цимлянской станицы, сослуживец Е.И.Пугачева по Семилетней войне. В марте 1772 г., при конвоировании Пугачева в Черкасск через Цимлянскую станицу Худяков, по просьбе Пугачева, взял его на поруки у начальника конвоя старшины М.Ф.Макарова, обязавшись доставить арестованного в Черкасск на подводе в сопровождении своего сына Прокофия. Возвратившись три дня спустя в станицу, П. Л. Худяков сказал отцу, что Пугачев бежал от него.

Заявление Е.И. Пугачева (повторенное на допросах в Симбирске и Москве) о том, что Л.И. Худяков "из приязни" к нему велел сыну Прокофию по пути из Цимлянской станицы освободить его, Пугачева, представляло собой, по-видимому, вымысел.)

И пошел я, не быв в своем доме, в Малороссию, Изюмского полку в слободу Кабанью, к мужику Осипу, прозывающемуся Коровка, коему и сказался, что я беглой донской казак, и не знаю де, – куда деться.

На то Коровкин отвечал:

«Да поди де в Польшу. Пройти туда можно между фарпостов. Поживи там несколько времени, и выди в Россию, и скажи на фарпосте, что польский выходец.

А как де есть указы, что польских выходцев селить велено по желанию, то и выберешь для житья любое место. А я де тебе дам своего сына для провождения и осведомления в Польше о житии раскольников мест», – ибо и он, Коровкин, раскольник.

(Кабанья – слобода восточнее города Изюма (ныне Кабанье в Луганской обл.).)

На допросе в Яицком городке Пугачев не рассказал того, что до поездки в слободу Кабанью он побывал в селениях раскольников-старообрядцев на реке Ковсуге (Койсухе), где узнал об О.И. Коровке и где познакомился с раскольником А.И. Кавериным (жителем слободы Черниговки Валуйского уезда, с которым и поехал в Кабанью слободу к Коровке).

(Коровка (Коровкин) Осип Иванович, житель Кабаньей слободы, раскольник, у которого останавливался Е.И. Пугачев в марте, июне и октябре 1772 г. Осенью 1774 г. О.И. Коровка был арестован, доставлен в Москву, в Тайную экспедицию Сената, где дал показания о встречах с Пугачевым. Сенат приговором от 10 января 1775 г. оправдал О.И. Коровку, как не имевшего соучастия в замыслах Пугачева, и освободил его из заключения.)

«А как я, хотя и не раскольник, да вижу по скаске Коровкина, что способ для свободного прожития целой век хорош, жив у него три дни, с сыном ево приехал в Стародубской монастырь, где живут все раскольники, и беглым тут великой притон.

Стародубский монастырь (в Климовой слободе Брянской обл.) – один из центров русского старообрядчества.

Тут сказал я о себе, что беглой же донской казак, и жил у раскольнического старца 15 недель, и выспрашивал где бы лутче прожить.

На то старец отвечал:

«Лутче де не можно, как итти в Польшу, а оттуда вытти на фарпосты, объявиться выходцом, взять указ, где хочешь поселиться, и туда проехать, а со временем де можешь и жену свою, хотя воровски, к себе достать и жить целой век спокойно».

Почему с тем же сыном Коровкина между фарпостов в Польшу проехали, и по скаске объявленного старца в слободу Ветку приехали.

(Ветка – слобода на реке Сож (ныне Ветка на территории Гомельской обл. Беларуси) – старинный центр старообрядчества, в 70-х годах XVIII в. находилась в приграничной полосе с Россией.)

В оной слободе живут все раскольники, всякого сорту люди. Побыв в той слободе три дни, оставя товарища своего Коровкина в оной, сам пошел пешком в Россию с тем чтоб сказаться так, как научон».

Справка: Коровка (Коровкин) Антон Осипович, житель слободы Кабаньей Изюмской провинции, раскольник. Летом 1772 г. ездил с Е.И. Пугачевым за Польский рубеж для торгового промысла и установления возможности поселения раскольников под Бендерами.

Осенью 1774 г. узнав об аресте отца и отвозе его в Москву, в Тайную экспедицию Сената, а также и о том, что сам он, А.О. Коровка, разыскивается властями, он до марта 1775 г. скрывался в слободе Степановне на реке Калитве. Весной 1778 г., желая избежать рекрутского набора, А.О. Коровка стал подговаривать крестьян к побегу "за Яик-реку к государю Петру Третьему императору, который там с генералом Емельяном Пугачевым находится", но летом того же года был арестован, находился под следствием в Изюмской провинциальной канцелярии, а потом в Слободской Украинской губернской канцелярии.

По ордеру генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева от 10 декабря 1778 г. А.О. Коровка был выслан на поселение в Тобольскую губернию. Освобожден в 1809 г.)

Продолжение текста допроса:

«И пришед на фарпост Добрянской, явился, а по спросе объявил себя выходцом. Где жил в карантине шесть недель и объявил свое желание поселиться в Казанской губернии на реке Иргизе. Онаго места хотя я еще и не знал, однакож везде сказывали, что сие место к поселению для такого сорта людей, какого я, способно.»

(Добрянка – селение на дороге из Гомеля в Чернигов (ныне на территории Черниговской обл. Украины) – в 1772 г. русский порубежный форпост на границе с Польшей.)

Чтобы закрыть вопрос с отцом и сыном Коровками и показать, что не всегда Е.Пугачев и добром и под пытками говорил правду, я приведу еще один исторический документ:

Протокол показаний Е. И. Пугачева на очной ставке с О.И. Коровкой в Московском отделе Тайной экспедиции Сената 18 ноября 1774 г.

1774-го года ноября 18-го числа злодей Пугачев спрошен был: “Самая ль истинная в допросе его на малороссиянина Коровку 1 от него показана?”

На что оной злодей сказал, что он показал самую сущую правду. Причем сказано ему, злодею, узнает ли он Коровку? Оной сказал: “Как не узнать!”

И потом, после допроса, взведен к нему Коровка, и злодей, взглянув на Коровку, сказал: “А, здравствуй, Коровка!” – где и Коровка его узнал.

Злодею сказано, что “Коровка против показания твоего ни в чем не признаетца”. Злодей сказал: “Я уже показал”. При чем Коровка его уличал, что он на него лжот.

Как же Коровка выведен, то злодей был увещеван, чтоб показал истинную, ибо инаково повосщик Алексей 4 и сын Коровки сысканы тотчас будут.

И оной злодей Пугачев, став на колени, сказал: “Виноват богу и всемилостивой государыне. Я на Коровку, на Кожевникова, Долотина и Криворотова купца и на Филарета, раскольнического старца, о том, что первыя давали ему деньги, також и что хотели ему помогать деньгами, и что бутто б он, по признанию салдата Алексея Семенова, называл он себя государем Петром Третьим, показывал ложно”

А по побеге ево з Дону и по приезде в раскольническую слободу, называемую Черниговку, и по найме той деревни крестьянина Алексея, от той деревни отъехав несколько верст, того ж дня говорил:

“Я-де, Алексеюшка, еду не для догнания Краснощокова, а я-де ишу такого места, где б послужить богу”. И на то Алексей сказал: “Вот-де, недалеко здесь живет Коровка, он-де – человек набожной, и таких людей принимает”. Почему х Коровке и приехали.

А по приезде х Коровке говорил он, Емелька: “Я-де еду за обозом Краснощокова, да хочетца-де мне хотя б пожить где бога ради”.

И Коровка сказал: “Я-де рад тебе, да немож-но, што уж я держал таких людей, да они меня раззорили, так уже боюся”.

И потом он, Пугачев, говорил: “Так я таперь поеду за Кременчуг, тамо у меня осталось в слободе, как я шол ис-под Бендер, много пажити, как то, серебра и платья, затем что тогда за язвою ничего не пропускали.

А взяв оное, поеду к Бендерам, слышно-де, што там генерал Каменской поселяет всякого, и там-де будет жить свободно”.

И оной Коровка сказал: “Здесь-де нашей братье, староверам, жить нельзя. Вот-де я за крест и бороду страдал в Белегороде и с сыном лет с семь. Дай бог здравье милостивой государыне, што указ дала 18, так свободился. И как-де ты поедишь, так наведайся, бога ради, и кали принимают, так, как поедишь назад, то заезжай и скажи мне. Я б-де со всем домом туда поехал”.

И он, Пугачев, сказал: “Туда-та-де ехать мне бес пашпорта неможно”.

И оной Коровка сказал: “Я-де велю сыну тебе написать пашпорт”. И, позвав сына Антона, пашпорт написать велел. Которой написал его настоящим именем, только не казаком, а хорунжим, и подписался под руку полковника Денисьева.

От Коровки поехал он с помянутым повосщиком Алексеем в село Протопоповку, которая от Изюму в тридцати верстах. По приезде в село, Алексея отпустил, а сам поехал было в помянутое село, а как называют, – не помнит. Но тогда, как были карантинны, то и возвратился опять х Коровке.

А как приехал, то Коровка спросил его:

“Што ж, Емельян Иванович, селятца ли под Бендерами?” На, что Пугачев, обманывая Коровку, сказал:

“Ездил, и селятца, но только-де надобно самому туда ехать и выправить указ”.

И Коровка сказал: “Самому мне ехать нельзя, а возьми сына Антона”. Почему оной Антон, написав паспорт на имя его, Пугачева, и вписав в оной донскаго ж казака / Набокова (оной Небоков значил Антона Коровку).

И Коровка, дав ему, Пугачеву, денег пятьдесят рублей и пару лошадей, оного сына своего с ним отправил и просил, чтоб выправить указ о поселении под Бендерами. Емелька обещал указ привести, а притом Коровке ж говорил: “Ты уже ни хлеба не сей, ни сена не коси, конча поедишь”.

И потом он, Пугачев, поехал с сыном Коровкиным на Кременчуг. И не доезжая Кременчуга, в селе Царевом показанной паспорт, писанной Антоном, прописали, не узнав, что он воровской, а с Царева на Водолаги, а с Водолаг под Кременчугом на заставе еще тот паспорт прописали, потом еще, по проезде Кременчуга, при перевозе афицер тот паспорт прописали.

Ис Кременчуга поехали в местечко Крюково и, ехавши ис Крюкова прямою дорогою к Елисаветинской крепости, приехали одним днем в показанное местечко, где была его пажить, к жителю Усачову, где оной Усачов дал ему за всю его пажить только дватцать рублей, да два толковых кушака.

Антон Коровка разведал в том местечке, что в Бендерах никакого поселения нет, то наняли того ж местечка жителей трех человек за шесть рублей, чтоб проводить за границу мимо заставы, кои их в Польшу в один день и проводили.

В Польше Антон написал другой паспорт для русских объездов, что будто оне отпущены от Краснощокова на Дон.

Но, однакож, попались оне рускому афицеру, которой, обобрав у них лошадей и деньги, кои от Коровки даны и, подержав двои сутки, отпустил.

И потом пришли в Ветку. Побыв в Ветке неделю, Коровку оставил тут.

А сам пошел на Добрянку и, явясь на фарпосте, отослан в карантин, познакомился с беглым, которой, как в первом его допросе 28 значит, сказался гвардии гранодером Алексеем Семеновым

И как есть им обоим было нечего, то работали тут, в Добрянке, у жителя Косоротова, которой в первом допросе показан Крыловым, баню. А о имени Кожевникова сведал он только потому, што оной нашивал в карантин милостыню, а больше его никак не знал, и ни одного слова с ним не говорил.

А только как с фарпоста дали им обоим, то есть, ему и Семенову, паспорта, то они зашли на двор х Кожевникову попросить милостыню, которой и дал им целой хлеб, а по отдаче спросил их:

Куда вы идете?” То они сказали, что “идем на Иргис”. И Кожевников обоим им сказал: “Кланяйтесь отцу Филарету, меня де на Иргисе все знают”. Почему он к Филарету по приезде на Иргис и подошел с поклоном.

Из Добрянки пошли он и Семенов в показанную деревню Черниговку к помянутому / л. 347об./ повощику Алексею. По приходе к Алексею, показали они данные им из Добрянки паспорта о поселении их на Иргисе.

Алексеем паспорта показались, и приказал он бывшему у него, Алексею, в доме незнаемому человеку написать с своим именем такой же паспорт 34. А потом он просил того человека, чтоб написал Коровке с женою и з детьми, да жена тому его ж сыну з женою два паспорта, которой и написал. А по написании, с помянутым Алексеем поехал он к Коровке, а гранодер Семенов остался у Алексея в доме с тем, чтоб дожидаться ему Емельки возвратно.

По приезде, Коровка пенял ему, што долго заехал, а притом спросил и о сыне своем Антоне, где он.

На что Емелька, утая, што он оставил его в Ветке, сказал: “Вот он зараз будет, он-де боится ехать прямою дорогою, что тут ловят в гусары”. И потом, отдав означенные два пашпорта, писанные в алексеевом доме, начевав одну ночь, взял свою лошадь, и он, Коровка, дал ему, Емельке, денег пять рублей, поехал к Алексею в дом, где, взяв с собою Алексея Семенова, пошли показанным в допросе ево путем.

В бытность ево у Коровки и у Алексея говорил он, Пугачов: “Естли иногда на Иргизе жить худо будет, то можно оттуда уехать на Кубань, куда ушли некрасовцы.

По приходе ж описанною в допросе ево дорогою в Глазуновскую станицу к казаку Андрею Кузнецову 39 вместе с Семеновым, то он тому Кузнецову только что показал данной пашпорт ему из Добрянки, також сказал ему и о том, что естли ему будет на Иргизе жить худо, то он пойдет на Кубань, куда пошел Некрасов 40. Он же, обманывая того Кузнецова, говорил:

“, Пожалуй, не оставь меня, я поеду оттуда назад мимо тебя, у меня-де есть оставлены на границе мои товары” 41. И оной Кузнецов сказал: “Коли-де ты поедешь на границу, так я тебя провожу”. Оной же Кузнецов денег не дал ему ничего, а только обменял ему свою лошадь

Сперва в Яике, а потом и в Синбирске на помянутых людей ложно показывал 43, будучи в страхе, а в Синбирске – боясь наказания, ибо, как стали ево стегать 44, то и не знал, кого б ему оговаривать. А как показанных людей имя-нами он знал, то на них и показывал. А потом и здесь он, в Москве, то свое показание, зная, что оно ложное, не отменил 45, боясь уже показать разноречие.

Показанному ж Филарету более ничего не говорил, как только то, что он поедит на Кубань и будет яицких казаков уговаривать.

На что оной Филарет сказал: “Поезжай в Яик и скажи им, что их проводить туда можешь. Они-де с тобою с радостию пойдут. Да и мы-де все пойдём”. Також поклон правил и от Кожевникова, и он сказал, что “я ево знаю”.

Денег же Филарету ни копейки не давал, да и у самово у него оных не было. Филарет же говорил: “Яицким-де казакам великое разорение, и они-де помышляют бежать к Золотой Мечете”. И к сим словам он, Емелька, сказал: “Лутче-де бежать туда, куда бежал Некрасов”.

ЦГАДА. Ф.6.Д.512.Ч.1.Л. 344-349. – Подлинник. Опубл.: Вопросы истории. 1966. № 7. С. 100—101

Продолжение допроса Е. Пугачева:

«И с данным мне с того фарпоста пашпортом за подписанием майора Мельникова, в числе таковых же выходцов, из коих знаю только одного беглого солдата Алексея, а прозванья – не знаю, а сей также сказался, что из Польши выходец, с которым и ехал я до Малыковки, где и явились у управителя, но кто он таков, – не упомяну.

Среди документов следствия над Е.И. Пугачевым в Казанской губернской канцелярии сохранился подлинный паспорт Пугачева, врученный ему 12 августа 1772 г. комендантом Добрянского форпоста майором Н. Мельниковым; паспорт гласит:

"По указу ея величества, государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы Всероссийской и прочая, и прочая, и прочая.

Объявитель сего, вышедшей и с Польши и явившейся собою при Добрянском фарпосте веры разкольнической Емельян Иванов сын Пугачев, по желанию ево для житья определен в Казанскую губернию, в Синбирскую правинцию, к реке Иргизу, которому по тракту чинить свободной пропуск, обид, налог и притеснения не чинить, и давать квартиры по указам. А по прибытии ему явитца с сим пашпортом в Казанской губернии в Синбирской правинциальной канцелярии, також следуючи и в протчих правинциальных и городских канцеляриях являтца; празно ж оному нигде не жить и никому не держать, кроме законной ево нужды.

Оной же Пугачев при Добрянском фарпосте указанной карантин выдержал, в котором находился здоров и от опасной болезни, по свидетельству лекарскому, явился несумнительен.

А приметамы оной: волосы на голове темнорусые, ус и борода черныя с сединою, от золотухи на левом виску шрам, от золотухи ж ниже правой и левой сиски (от золотухи) две ямки, росту дву аршин четырех вершков с половиною, от роду сорок лет (В действительности Е. И. Пугачеву было в то время 30 лет, родился он, как известно, в 1742 году). При оном, кроме обыкновенного одеяния и обуви, никаких вещей не имеетца.

Во верность чего дан сей от главнаго Добрянского фар-постнаго правления за подписанием руки и с приложением печати моей в благополучном месте 1772 году августа **12 дня**.

Майор Мельников.

Пограничный лекарь Андрей Томашевской.

При исправлении письменных дел каптенармус Никифор Баранов " (ЦГАДА. Ф.6.Д.414.Л.198).

Текст паспорта скреплен личной печатью майора Н.Мельникова с вензелями "Н.М."; печать оттиснута на красном сургуче. На втором листе паспорта отметки о его предьявлении Пугачевым в городских канцеляриях и на заставах по пути его следования из Добрянского форпоста к месту поселения; ниже приводятся тексты этих отметок:

"1772 году августа 24 д[ня] пропущен через караул у города Новгородку Сиверском на учрежденном карауле в благополучном месте. Смотритель караула Евсей Яковенков свидетельствуя.

1772 году августа 24 дня сей пашпорт в благополучном городе Глухове на главном карауле явлен. Писарь Николай Мухин.

1772 году августа 25 дня по сему чрез учрежденную границу Севской и з Глуховским уездом заставу пропущен. Карнет Еремей Арсеньев.

1772 года сентября 10 дня сей пашпорт в Валуйской воеводской канцелярии в благополучном месте явлен. Капитан Василей Казмин.

Канцелярист Иван Пивнев сентября 23 дня [в] благополучном месте, на Тароблянской заставе явлен, сентября 23 дня 1772 году" (там же. Л.199).

Копия паспорта хранится среди документов следствия по делу Пугачева, производившемуся 18 декабря 1772 г. в Малыковской дворцовой управительской канцелярии (ЦГАДА. Ф.6.Д.413.Л.3 и об.).

(Беглый солдат Алексей – это Логачев (Семенов) Алексей Семенович, по происхождению курский купец; в 1770 г. взят в рекруты; служил в Первом гренадерском полку в Киеве, откуда бежал за польский рубеж в слободу Ветку; летом 1772 г. явился на Добрянский пограничный форпост, где, назвавшись польским выходцем-раскольником, получил паспорт для поселения в раскольничьих селениях на р. Иргизе.

В Добрянке Логачев познакомился с Е. И. Пугачевым и вместе с ним отправился в Малыковку, куда они и прибыли в ноябре месяце. Вскоре они расстались. Пугачев уехал в Мечетную слободу на Иргизе, а Логачев, не имея средств к пропитанию, нанялся служить в симбирском гарнизонном батальоне.

В декабре 1774 г. он был арестован, доставлен в Москву и допрошен в Тайной экспедиции Сената. По определению Сената от января 1775 г. Логачев освобожден от наказания и отправлен к прежнему месту службы – солдатом гарнизонного батальона в Симбирск.)

«Управитель приказал нам несколько дней пообождать, а между тем намерен был отправить в Синбирскую провинциальную канцелярию для записки в назначенное место.

Сие происходило прошлаго 772-го года. А как в то время был рекрутский набор, то объявленной товарищ мой нанялся за малыковского крестьянина в рекруты, который был, как слышно, и принят, и после ево уже не видал.

А я с позволения малыковского управителя, не быв в Синбирске, поехал на Иргиз в Филаретовской монастырь к настоятелю Филарету, у котораго, яко выходец, жил три дни.

(Филарет Семенов, раскольник, настоятель старообрядческого скита Введения Богородицы на Иргизе вблизи Мечетной слободы (ныне гор. Пугачев Саратовской обл.). В ноябре 1772 г. встречался с Е.И. Пугачевым, приехавшим в Мечетную слободу, который будто бы открыл ему намерение принять имя и титул "Петра III" и поднять яицких казаков на восстание.

Филарет участвовал в аресте Пугачева 18 декабря 1772 г. в Малыковке, а после его побега из казанского острога вновь пытался схватить его при появлении 27 августа 1773 г. в Мечетной слободе.

Тем не менее Филарет, как человек подозрительный, был в конце января 1774 г. арестован в Сызрани, доставлен в Казанскую секретную комиссию, где был допрошен и заключен в тюрьму.

12 июля 1774 г. при взятии Казани повстанцами Филарет был освобожден из заключения и доставлен в ставку Пугачева, после чего бесследно исчез.)

И вместе с оным поехали в Малыковку попросить управителя, чтоб позволил, не быв в Синбирске, прожить недели три, ибо лошадь у меня была худа, так не на чем скоро отправиться. Однакож, управитель понуждал всячески, чтоб поскорее явиться, но, наконец, позволил без объявления прожить недели три. Почему я обратно с тем Филаретом к нему в монастырь приехал.

А на другой день поехал я в Мечетную слободу для житья, ибо в монастыре, хотя я и раскольником уже назывался, жить было неблагоприсойно. В Мечетной слободе жил я у крестьянина раскольника Степана Косова с неделю. Сие происходило 772-го года ноября в первых числах.

(Косов Степан Васильевич, крестьянин Мечетной слободы, раскольник, в доме которого останавливался Е.И. Пугачев в ноябре 1772 г. При появлении Пугачева 27 августа 1773 г. в Мечетной слободе поднял тревогу и с группой монахов и жителей слободы пытался арестовать его. В ноябре 1774 г. Косов умер в Казани.)

А 15-го числа того ж месяца той же Мечетной слободы с крестьянином Семеном Филиповым, выпросив у Филарета лошадь и денег, поехали в Яицкой городок для покупки себе и Филарету рыбы.

(Филиппов (Сытников) Семен, крестьянин Мечетной слободы Малыковской волости, раскольник. В конце ноября – начале декабря 1772 г. Филиппов был спутником Е.И. Пугачева по торговой поездке в Яицкий городок, где тот вел беседы с казаками о возможности побега на вольные земли за Кубань.

По возвращении в Мечетную слободу, Филиппов подал донос на Пугачева, в результате чего он и был арестован 18 декабря 1772 г. в Малыковке. По определению Сената от 10 января 1775 г. Филиппову, как первому доносителю на Пугачева, было выдано в награду 200 рублей.)

Приехав туда, пристали к казаку яицкому Денису Пьянову и жили у него неделю.

(Пьянов Денис Степанович (1724 – 1774), яицкий казак, участник восстания на Яике в 1772 г. В конце ноября того же года в его доме жил Е. И. Пугачев, который и раскрыл Пьянову намерение увести яицких казаков на вольные земли за Кубань, а также признался в том, что он, Пугачев, будто бы не кто иной, как "Петр III". В январе 1773 г. Пьянов бежал из дома, узнав о намерении властей арестовать его, и до глубокой осени укрывался на хуторах в приицкой степи, а возвратился в Яицкий городок накануне взятия его повстанцами.

В середине апреля 1774 г., сразу же по вступлении в Яицкий городок карательных войск, Пьянов был арестован, доставлен в Оренбург, был допрошен в секретной комиссии, а потом заключен в тюремный острог, где и умер 12 августа 1774 г.)

« А как в ту бытность с казаком Пьяновым познакомились и обедали за одним столом, то в одно время не стало за обедом хлеба.

И хозяин, Денис Пьянов, сожалея о сем говорил: «Вот де до чего мы дошли, что уже и хлеба на обед не достало».

А как я спросил сему причины, то Пьянов говорил: «У нас де было в Яицком городке убийство.

Войсковой руки казаки, в том числе и я, хотя недрался, однакож при той свалке был, убили генерала фон-Траубенберга и многих ево команды, также и старшинской руки казаков и чиновных людей немало. А как де дошло сие убийство до сведения ея величества, то прислан был для усмирения генерал Фрейман. И когда де он шел, то войсковыя казаки выехали было против ево на сражение, и не хотели впустить в Яицкой городок.

(Фрейман Федор Юрьевич (1725 – 1796), генерал-майор, в мае-июне 1772 г. командовал карательным корпусом, нанеся поражение яицким казакам-повстанцам в битве под Яицким городком у реки Ембулатовки (3. – 4.VI.1772). С октября 1773 г. до лета 1775 г. Фрейман командовал соединениями карательных войск в Закамье и на Южном Урале.)

Однакож Фрейман осилил. И войско, кое против его выезжало, возвратись в городок, увидя свою беду неминучу, согласились все бежать за море в Золотую Мечеть. И многий де разбежались, в том числе и я шатался по степи, и на Узенях был в укрывательстве».

(По легендарным представлениям яицких казаков, на берегу Каспийского моря была область по имени Золотая Мечеть, где будто бы издревле существовала вольная казачья община, свободная от притеснений царской администрации)

Напротив, чего я говорил:

«Так вы де хотели видно тоже самое сделать, как наши Некрасов, зделав измену, подговоря многих, и бежали за Кубань, на реку Лобу, а перед выходом де обещал каждому казаку по двенадцаты рублей на человека, а как вывел в поле, то ни по полушке и не дал».

На то Денис Пьянов говорил:

«Да как де быть та? Великое гонение! Вот де я и ты теперь в бегах. Того и смотрю, как придут и возьмут под караул».

А я отвечал: «Да как же быть? Хотя по поимке тебя и поколотят, да может и простят.

А когда пойдете за границу, так почтут вас изменниками и получите величайшей от государыни гнев».

Более сих разговоров я с казаком Пьяновым никаких не имел.

Тут надо сказать, что Е.И. Пугачев не сообщил следователю, что беседуя с Д.С. Пьяновым, впервые объявил ему себя "императором Петром Третьим"; скрыл этот факт и Пьянов на допросе 10 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.

«И купя в Яицком городке рыбы, с тем же Мечетной слободы мужиком Семеном Филиповым (с коим приехал) и возвратились в дом в Мечетную слободу.

Потом я, согласясь с хозяином своим, Косовым, купили еще в Мечетной слободе у приезжих мужиков в долг 4 воза рыбы. И поехал я для продажи оной рыбы в Малыковку.

Бывшей же со мною в Яицком городке крестьянин Семен Филипов, по уезде моем в Малыковку, рассказал Мечетной слободы жителям, что, по бытности на Яике, подговаривал я всех яицких казаков на Лобу реку и давал на выход войску на каждую семью людей до двенадцати рублей.

Почему те жители и репортовали о сем малыковскому управителю.

А как я в то время был в Малыковке для продажи рыбы, то управитель велел меня взять под караул и потом распрашивал по показанию мечетных жителей, якобы я точно вызывал Яицкое войско на Лобу реку, и задаться вечно турецкому султану, и на выход войску давал по двенадцати рублей на человека, а на границе де оставлено у меня до двухсот тысяч рублей, да на 70 тысяч рублей товару, из которой суммы якобы я то бежавшее войско и коштовать хотел, и ежели понадобится войску денег на проход далее, то паша даст еще до пяти миллионов рублей.

Смотритель в Малыковке – Позняков Алексей Степанович, титулярный советник; в 1761 – 1773 г. г. управитель Малыковской дворцовой волости. 18 декабря 1772 г. вел дознание по делу арестованного в Малыковке Е.И. Пугачева. В ноябре 1774 г. Позняков был арестован по "сумнительству" обстоятельств допроса Пугачева в Малыковке и в декабре доставлен в Москву, в Тайную экспедицию Сената, где был допрошен, полностью оправдан и освобожден.

«В сходствие того на меня доносу, показанной управитель меня и спрашивал.

А как я таковых речей, по бытности в Яицком городке у казака Пьянова, не говорил, и сказывал точно те, как выше сказано, то есть, про Некрасова, то управитель шол, что я учинил заперительство.

И хотя я ему и сказался точным своим названием из-под побоев, однакож он, считая меня подозрительным человеком, мучил.

И под пристрастным распросом, дабы признался в том, в чем Мечетной слободы крестьянин Филипов доказывал, и выпрашивал: не солдат ли, не казак ли, не барской ли я беглой человек, а между тем всё-таки секут [Так в тексте; правильно: секли] немилосердно батоги.

Но я утвердился на прежнем своем показании.

Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в управительской канцелярии Малыковской дворцовой волости 18 декабря 1772 г.

По резолюции дворцовых Малыковских управительских дел, а по репорту определенного в Малыковской волости смотрителя Ивана Расторгуева, вышедшей из-за польской границы раскольник сыскан и, по осмотру, оказался подозрителен: видно – бит кнутом, а в допросе сказал.

Емельяном ево зовут Иванов сын Пугачев, от роду имеет сорок лет 2, природою он войска Донскаго Зимовейской станицы служилой казак.

Ис которой станицы сего 772 года в Великой пост (Великий пост в 1772г. приходился на время с 26 февраля по 14 апреля) бежал за границу, в слободу Ветку, в коей жил недель пятнатцеть.

А оттуда сошед, явился на пограничном Добрянском фарпосте, где показался вышедшим ис Польши, и был тут в карантине шесть недель. С коего фарпоста с данным в августе месяце пашпортом вышел в Россию и был в городе Яике.

А в бытность ево в том городе Яицкаго войска казаку Денису Степанову сыну Пьянову (у коего на квартире стоял с неделю) проговаривал, чтоб яицкие казаки с их семейства бежали из России в Турецкую область, на реку Лобу.

И естли-де казаки бежать согласятся, то он, Пугачев, даст им на каждого человека денег, по двенатцети рублей. Да у него ж, Пугачева, на границе оставлено денег до дву сот тысяч рублей, да товару на семдесят тысяч рублей, ис которых он, Пугачев, то бежавшее Яицкое войско и коштовать обещался.

А в Яик-де из Москвы идут два полка. И около Рожества (Рождество – 25 декабря) или Крещения (Крещение – 6 января) с яицкими казаками будет бунт. И как-де Яицкое войско уйдет в Турецкую область, то-де и донские казаки уйдут же в Турецкую область.

А все-де оное проговаривал он, Пугачев, тому казаку, смеючись, пьяной.

А шпионства он, Пугачев, никакого не имеет, и ни от кого в город Яик подговаривать подсыпан не был. А чтоб задаться в вечное подданство турецкому салтану, а по приходе за границею встретит их турецкой паша и, ежели понадобится войску денег на проход, то паша даст еще денег до пяти миллионов, – таковых слов он, Пугачев, нигде никому не проговаривал.

А из Яика ехал он с бывшим там для продажи хлеба Мечетной слабоды жителем Семеном Филиповым до слободы Мечетной, а оттуда приехал в село Малыковку.

И намерение имел явиться – для определения к жительству на реку Иргиз – в Синбирскую правинциальную канцелярию. И в том селе Малыковке от управительских дел присланными взят и объявлен к управительским делам.

А будучи в бегах, на татьбах и разбоях нигде не бывал; воров, разбойников и таковых же беглых нигде не знает.

И в сем допросе сказал самую правду.

К сему допросу села Малыковки священник Афанасей Михайлов вместо означенного бежавшаго донскаго казака Емельяна Иванова сына Пугачева, по ево прозьбе, руку приложил.

При сем допросе при увещании был и свидетелем того ж села Малыковки поп Егор Иванов, и руку приложил.

Продолжение допоса Е.Пугачева:

«А с чего неговоренные мною слова, якобы подговаривал казаков на Лобу реку, давал деньги и протчая неправда показана на меня, – не знал.

Потом управитель начал меня отправлять в Синбирскую канцелярию. При отправлении читали мне допрос, в котором написано было, якобы я во всем показуемом на меня признался, то я управителю говорил:

«На что де то взводить на меня напрасно, чего я не говорил, и в чем я не признаюсь, а дайте мне с показателем Семеном Филиповым очную ставку, так я ево изобличу во лживом на меня показании».

Однакож, тот Филипов представлен из слободы не был, а допрос управитель не переписал. Кто ж вместо меня, по неумению грамоте, приложил к допросу руку, – не знаю, да и я никого не просил. И так в Синбирск в путь отправлен. Деньги ж, кои у меня были, равным образом и рыбу, в Малыковке растащили, но кто имянно, – не знаю.

В Синбирской канцелярии допрашиван я не был, а послан в Казань, где и содержали меня сперва в губернской скованаго в ручных и ножных кандалах.

(Дознание над Е.И. Пугачевым в Симбирске не производилось. Симбирская провинциальная канцелярия, рассмотрев документы, касавшиеся Пугачева, приняла решение: так как Пугачев обвиняется по "немаловажному делу", то его вместе со всеми документами, "не входя в подробность", следует отослать в Казань к губернатору Я. Л. Бранту.

Конвой с арестованным Е.И. Пугачевым, выехав из Симбирска 31 декабря 1772 г., прибыл в Казань 4 января 1773 г.)

"И тот день спрашивай был: «Что за человек?» А как сказал, что Донскаго войска казак, то и велено было посадить в губернскую же.

Не помню же, в какое точно время, только долго спустя, призвали меня к секретарю, как ево зовут, – не знаю, которой и велел читать малыковской допрос.

Как же в том допросе написано было то самое показание, в чем Мечетной слободы жители на меня доносили, и чего я точно не знаю, и отнюдь в том в Малыковке не признавался, то я и тут говорил, что в оный управитель не признавался, а для чего на меня тот в самом деле неправильной допрос управитель отважился в Казань прислать, – не знаю, и настоял крепко в произнесенных мною точных словах.

Секретарь же, не чиня мне никакого письменнаго допроса, а только плюнул, и приказал с рук збить железа, а потом он же, призвав к себе лекаря, велел осмотреть: не был ли я чем прежде наказан.

Когда же лекарь раздел донага и увидел, что был сечен, а не узнал, – чем, и спрашивал: «Конечно де ты, Пугачев, кнутом был наказан, что спина в знаках?»

На то я говорил:

«Нет де, не кнутом, а сечен только вовремя прускаго похода по приказанию полковника Денисова ежалою плетью, а потом через малыковского управителя терпел пристрастной распрос под батогами».

И так послали меня опять в свое место, где содержался.

Аврамов Андреян Пантелеевич, секретарь Казанской губернской канцелярии, в январе 1773 г. вел следствие по делу Е.И. Пугачева, а после его побега из Казани сам он, Аврамов, был привлечен к ответственности.

Он обвинялся в том, что поверхностно вел розыск над Пугачевым, самовольно будто бы приказал снять с него ручные кандалы и промедлил с донесением в Сенат о побеге Пугачева.

По некоторым из этих обвинений Аврамов не смог дать оправдывающих его ответов. Это было учтено в определении Тайной экспедиции Сената (от 3.IV.1775), которая, хотя и освободила Аврамова из заключения, но предписала исключить его из службы и впредь "ни к каким делам не определять".

Как уже сказано, что допроса мне тут письменного сделано не было, то я никакой нужды и не имел кого просить, чтобы вместо меня руку к допросу прикладывал.

Посидя я в губернской, переведен потом был в острог скованой же в ножных кандалах. И употреблялся с прочими колодниками во всякия казенныя работы, а большую частию на Арском поле около дворца.

Во время того моего содержания под караулом короткую приязнь я имел с одним колодником, Парфеном Дружининым, которой содержался за прочот казенных денег, и приговаривал мне, что:

«Быть де мне за прочот мой сечену кнутом, отчего я и бежал бы де, куда ни есть, только не знаю, где скрыться будет».

На то я говорил: «Естьли бы де можно было отсель уйти, так бы я тебя вывел на Дон, и там бы верно нашли место, где прожить». И так оной разговор согласиём к побегу скончался.

(Дружинин Парфен Петрович, купец пригорода Алаты под Казанью, в 1771 – 1772 г г. целовальник соляной продажи в селе Сретенском; в январе 1773 г. осужден Казанским магистратом за недостачу 220 руб. казенной суммы и заключен в тюремный острог, где познакомился с Е.И. Пугачевым и, не зная о его деле, сговорился с ним о совместном побеге.

Бежав из казанского острога (29.V.1773) с Пугачевым, Дружинин взял с собой жену Домну Степановну, сыновей Филимона и Максима и дочь Мавру, и все вместе они поехали к реке Вятке.

Расставшись вскоре с Пугачевым, Дружинины более полутора лет скитались по Заволжью.

В середине февраля 1775 г. Дружинины были арестованы и доставлены в Казань, а в начале марта Парфен и Филимон Дружинины отправлены в Москву, в Тайную экспедицию, которая, допросив их, определением от 9 марта 1775 г. освободила обоих от наказания, как не участвовавших в замыслах и деяниях Пугачева.)

А как в остроге из караульных приметили мы в одном солдате малороссиянине склонность и неудовольствие в его жизни, то при случае сказали ему о нашем намерении, а солдат и согласился.

И все трое вообще начали изыскивать удобной случай дабы из острога бежать.

Между тем пропало у меня не помню сколько денег, а как многия о сем узнали и хотели отыскивать, однакож, я об них не тужил, а сказал прочим: «Я де щитаю сие за милостыню, кто взял, – бог с ним».

Вина же я тогда не пил, и временем молился богу, почему прочия колодники, также и солдаты почитали меня добрым человеком.

«Беглый солдат И.В. Мамаев, находившийся весной 1773 г. среди заключенных в казанском остроге, рассказывал на одном из допросов, что в соседней тюремной казарме содержался "донской казак Емельян Пугачев с прочими острожными колодниками, в числе около ста человек, которого тогда многая колодники из почтения называли Емельяном Иванычем, потому что он, будучи раскольник, казался всем набожным человеком и маливался, сказывают, много по ночам.

И хотя оной Пугачев со мною тут с небольшим месяц или около того содержался, однакож я знал его, потому што он игрывал на острожном дворе с колодниками и со мною в карты" (ЦГАДА. Ф.6.Д.460.Л. 131 – 131об.)»

Однакож, в то время отнюдь еще не помышлял, чтоб назваться государем, и сия жизнь не была тому причиною, чтоб вкрасья людям и после, как назовусь государем, чтоб можно было и на сию благочестивую жизнь ссылаться.

В оное же содержание под караулом, по порядочной моей жизни, от подаяния собрал я, сверх пропадших у меня денег, около или больше тридцати рублей.

Что много у меня сих денег было, то ни от чего другова, как, по хорошей моей тогда жизни, многия на имя подавали; некоторые вдруг по рублю и больше, и спрашивали при подаче имянно: «Кто де здесь Емельян Пугачев? Вот де ему рубль».

В одно время купец Дружинин говорил мне:

«Что ж, Емельян, мы можем бежать». А как я сказал, что хорошо, да и солдат то одобрил, тогда Дружинин дал своему сыну денег, коему, невидимому, было лет 15, как зовут, – не знаю, и велел купить лошадь и телегу.

Когда же она была готова, и сын Дружинина, пришед, о сем объявил, то он, Дружинин, сыну своему говорил: «Когда де мы отпросимся у караульных к попу (как его зовут, – я не знаю, ибо он знаком Дружинину) и ты де тут с кибиткою поблизку подъезжай, но с тем, чтоб никто тебя не видал, где мы будем».

Сие происходило прошлаго 1773-го года в мае месяце, и в последних числах.

Согласясь с тем Дружининым и с показанным малороссийской нации солдатом, умыслясь, поутру стали проситься у караульного офицера с тем, чтоб отпустил для испрошения милостыни к попу.

(Речь идет об Иване Ефимове, священнике Благовещенского собора в Казани.

Ефимов – свойственник алатского купца П.П. Дружинина (их жены были двоюродными сестрами). 29 мая 1773 г. в дом к Ефимову явились из острога Дружинин с Е.И. Пугачевым "для испрошения милостыни", сопровождаемые конвойными солдатами г.А. Мищенковым и Д. г. Рыбаковым. Допьяна напоив Рыбакова (непосвященного, как и Ефимов, в замысел побега Дружинина и Пугачева), колодники и солдаты уехали из Казани.

Спустя 10 дней после их побега, Ефимов был взят под стражу и допрошен в Казанской духовной консистории. По приказанию казанского архиепископа Вениамина, священник Ефимов "за поение" колодников и конвойных солдат "вином и прочим пойлом" был заключен в монастырскую тюрьму, где содержался в кандалах, получая в пищу лишь хлеб и воду.

По приговору Тайной экспедиции Сената от 31 марта 1775 г. Ефимов, как не принимавший соучастия и согласия в побеге Пугачева и Дружинина, был освобожден из заключения.)

А офицер нас и отпустил. А солдат – согласник к побегу и другой, которой того заговору не знал, к попу канвойными за нами пошли.

(Мищенков Григорий Алексеевич, солдат, уроженец Украины, солдат III Казанского батальона, был в карауле тюремного острога и 29 мая 1773 г. бежал с Е.И. Пугачевым и П.П. Дружининым из Казани, в конце лета 1773 г. поселился в Черкасской слободе (на реке Кинель). Последующая судьба Мищенкова не известна.)

Пришед к попу, не застали его дома. И Дружинин говорил, что «Надобно де возвратиться назад в острог, ибо де, по небытности попа дома, не с кем напиться и напоить допьяна другова солдата, которой не был к побегу согласен, а с попадьею де пить нехорошо, да она же и пить не согласиться, а без хозяина чинить сие дурно». И так в острог возвратились.

А того ж де дни через два часа, сие было в обед, а [по] спросу же караульного офицера с теми же солдатами к тому попу пошли. А между тем телега от сына Дружинина приготовлена. Пришед к попу, Дружинин договорился с попом, чтоб сходил тот поп в питейной дом и на данныя Дружининым деньги купил вина и меду. Поп на то согласился, вина и меду купил.

А как сие, кроме ево, Пугачева, выпили и показалось мало, то Дружинин послал попа еще за вином, дав также из своего кошелька деньги. А поп и еще хмельнова принес. И так напились допьяна.

А более старались подпоить несогласного к побегу другова солдата. Поп же со всем своим домом о умысле нашем к побегу отнюдь не знал.

И так, простясь с ним, и сказав, что идут в острог, из дома попа вышли. А поп, проводя за двор свой, возвратился назад и хлопнул калиткою. Как же скоро вышли, то сын Дружинина

Которому Дружинин, хотя и знал, что сын ево едет, но чтоб отвесьть в смотрителях подозрение, закричал: «Ямщик! Что возьмешь довести до острога?»

А сын ему сказал: «Много ли вас?» А как ему сказано, что четверо, то запросил 5 копеек. За которую плату все четверо, а сын Дружинина – пятой, и сели.

А сей мнимой для других извощик накрыл их привязанною на кибитке рогожкой. И так поехали, говоря несогласному солдату к побегу, что едут в острог.

Как же закрытый все рогожкой ехали уже долго, то солдат спрашивал: «Что де мы так долго едем?»

А я на то ему отвечал: «Видно де не в ту дорогу поехали». Когда ж выехали на Арское поле, то рогожку открыли и солдат удивился:

«Что за чудо?» и спрашивал: «Зачем выехали из Казани?» – «Оставайся де с благополучием»

А сами в путь поскакали.

Онаго солдата отнюдь мы не били, и естли де он прежде так показывал, то солгал.

Скакали мы мимо Царицынского села и далее, не кормя лошадь целья сутки, и приехали в одну деревню, где живут татары, как называется, – я не знаю.

Тут Дружинин взял свою жену, которая жила в укрывательстве от поисков губернской канцелярии.

И у того же татарина, у коего жила Дружинина жена, купил он, Дружинин, лошадь за 4 рубли, подпрегли к первой, сели все и поехали в тот городок, где Дружинина жительство.

А приехав, не приставая в оном с версту, остановились. И послал Дружинин сына своего за другими ево детьми. Сын Дружинина пошел было по приказанию отца своего, но признан был теми жителями или посланными от губернской для поиска их, кои хотели было связать, однакож он ушел, а прибежав, о сем сказал. И так мы в путь поскакали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.